

Отметим, что персональные связи в период империи описаны подробнее: отдельная глава почти целиком посвящена различным видам клиентелы⁷¹, в главе об императорском дворе⁷² эти вопросы также занимают важнейшее место.

Таким образом, проблема патроната и клиентелы в республиканский период получила в «Кембриджской древней истории» ряд интересных, но противоречивых трактовок. Серьезные расхождения в позициях разных авторов неслучайны: в новом издании «Кембриджской древней истории» отразилась смена парадигмы в изучении политической жизни Римской республики. Подводя итоги этому обзору, можно констатировать, что традиционная трактовка института патроната клиентелы и, в целом, персональных связей как универсального средства, с помощью которого республиканская знать обеспечивала свою монополию на власть, уже изжила себя. Вместе с тем игнорировать персональные связи при изучении политической жизни республиканского Рима было бы большой ошибкой⁷³.

Д.Я. Годкин

⁷¹ Saller R.P. Status and Patronage // CAH (2nd ed.). Vol. XI. Cambr., 2000. P. 817–854.

⁷² Wallace-Hadrill A. The Imperial Court // Ibid. P. 283–308.

⁷³ Cp. *idem*. Patronage in Roman Society: from Republic to Empire. P. 63–87, esp. 84 f.; *idem*. Introduction // Patronage in Ancient Society... P. 7 f.

© 2008 г.

Chr. J. Smith. The Roman Clan. The Gens from Ancient Ideology to Modern Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 2006 (W.B. Stanford Memorial Lectures). 393 p. ISBN 978-0-521-85692-8

Появление новой книги известного специалиста по античной истории профессора Кристофера Смита¹, посвященной ключевой форме организации римской аристократии, кажется результатом действия целого ряда факторов. Во-первых, современный мир не перестает обсуждать взаимоотношения правящих классов с обществом («теория элит»)². Во-вторых, внимание исследователей продолжает привлекать правящий слой Римской республики³. В-третьих, в науке значительное внимание уделяется роли родства в становлении римского общества и государства⁴. И наконец, хотя научному сообществу и удалось выстроить относительно непротиворечивую концепцию исторического развития раннего Рима⁵, неудовлетворенность достигнутым

¹ Christopher Smith (School of Classics, University of St Andrews). См. *Сидорович О.В.* Рец.: *Smith Chr. Early Rome and Latium. Economy and Society c. 1000 to 500 B.C. Oxf., 1996. 290 p. // ВДИ. 1999. № 2. С. 234–238.*

² Mills C.W. The Power Elite. Oxf., 2000 (1956¹); Hunter F. Community Power Structure: A Study of Decision Makers. Garden City (N.Y.), 1963; Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs (New Jersey), 1976; Bottomore T. Elites and Society. 2nd ed. L., 1993; Lasch Chr. The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy. N.Y., 1995.

³ См. Hölkamp K.-J. Die Entstehung der Nobilität. Stuttgart, 1987; *idem*. Rekonstruktionen einer Republik. Die politische Kultur des antiken Rom und die Forschung der letzten Jahrzehnte. München, 2004; *idem*. Senatus Populusque Romanus. Die politische Kultur der Republik – Dimensionen und Deutungen. Wiesbaden, 2004; Flower H.I. Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture. Oxf., 1996; Humm M. Appius Claudius Caecus. La République accomplie, Rome, 2005.

⁴ См. Bettini M. Familie und Verwandtschaft im antiken Rom. Frankfurt a.M.–New York, 1992; Linke B. Von der Verwandtschaft zum Staat. Die Entstehung politischer Organisationsformen in der frühromischen Geschichte. Stuttgart, 1995.

⁵ См. Grandazzi A. La fondation de Rome. Réflexion sur l'histoire. P., 1991; Cornell T.J. The Beginnings of Rome. Italy and Rome from the Bronze Age to the Punic Wars (c. 1000–264 BC). L.–N.Y., 1995.

продолжает ощущаться⁶. Состояние источников по истории раннего Рима не позволяет понять ее проблемы по отдельности, вне связи друг с другом. Так же и gens невозможно понять, не рассматривая римское общество в целом. Поэтому книга Кр. Смита фактически является еще одной попыткой, после работ Т. Корнелла и Г. Форсайта, рассмотреть комплекс социальных вопросов раннеримской истории. При этом он делает акцент на выяснении истоков современных представлений о gens как важном элементе социальной системы Римской республики. Длительное использование этого понятия в социальной антропологии, по мнению Смита, исказило представление о его исходном, римском значении. Рассмотрение современной историографии привело его к мысли, что gens никогда не был существенной частью самоидентификации римской аристократии, а история этого понятия скорее является частью широкого обсуждения организации римской гражданской общины, начавшегося уже в античности.

Книга состоит из двух частей. В первой части (главы I–IV) рассматриваются данные о римском gens, имеющиеся в распоряжении исследователя. Вторая часть (главы V–XI) посвящена интерпретации gens автором в широком контексте социальных отношений раннего Рима V–IV вв. до н.э.

В I главе (с. 12–64) автор рассматривает античные свидетельства о gens, подчеркивая, что каждое свидетельство источников должно рассматриваться в категориях своего времени. Он отмечает, что хотя законы, имеющие отношение к gens, вышли из употребления ко II в. н.э., источники в целом представляют социальный институт, который оставался динамичным даже в эпоху Поздней республики и Ранней империи.

Само понятие gens с трудом поддается переводу, оно существовало уже многие столетия ко времени его письменной фиксации и, возможно, имеет древнее индоевропейское происхождение. Б. Нибур и Т. Моммзен понимали gens как «домохозяйство», в отечественной литературе обычно переводят как «род». В современной англоязычной литературе gens понимается либо как линидж, объединяющий потомков общего предка, либо как клан, представляющий собой группу, реальное родство между членами которой проблематично⁷. Специфические черты gens, отличающие его от других социальных групп, выделить трудно. Источники не описывают его как политическую единицу. Особую трудность интерпретации создает его использование в источниках для обозначения семьи и народа. Ливий утверждает, что этот институт был присущ только патрициям, но другие тексты позволяют говорить и о плебейских gentes.

Законы XII таблиц (5-я таблица) и определение, данное gentiles Сцеволой (Cic. Top. 29), позволяют Смицу построить рабочую модель gens. В ней отмечается, что членство в gens передавалось по мужской линии, gens выходил за пределы агнатической семьи и включал всех членов, кто имел одинаковый помет и претендовал на какую-либо степень родства. Смит склоняется к точке зрения, что помет был опознавательным патронимом, показателем принадлежности к группе более широкой, чем нуклеарная семья. Эпиграфические данные не позволяют говорить о системе двух имен ранее VI в. до н.э., однако современные историки стремятся распространить на ранний период и систему трех имен. Экзогамная граница между 6-й и 7-й степенью родства не совпадала с границами gens⁸. Так как фигура основателя gens была фиктивной, реальность родства между его членами сомнительна. Базовым является представление, что gens – это объединение семей в виде клана. Нет данных о существовании предводителя клана с титулом pater или princeps gentis. В источниках в качестве princeps gentis обычно фигурирует основатель клана, либо мифический, либо первый носитель имени, достигший курульной магистратуры. Истории таких основателей gens постоянно пересматривались и совершенствовались римлянами. Gentes были акефальны, принцип первородства не действовал, ни один из patres familiarum, составлявших gens, не возвышался над другими. Появление лидера gens определялось не его формальным статусом, а реальными обстоятельствами и общим согласием.

Смит разбирает и свидетельства источников, в которых понятие gens упоминается в контексте наследования, в связи с обычаями и культами разных gentes, а также участием членов gentes

⁶ См. Forsythe G. A Critical History of Early Rome. From Prehistory to the First Punic War. Berkeley, 2005.

⁷ Определения клана и линиджа см. Stone L. Kinship and Gender. An Introduction. Boulder (Colorado), 1997. P. 62–66; Parkin R. Kinship. An Introduction to the Basic Concepts. Oxf., 1997. P. 17–18.

⁸ По мнению Дж. Франчози, сначала экзогамным коллективом был gens, а затем порог экзогамии был снижен до 7-й степени родства (агнаты и когнаты), а в конце III в. до н.э. патриций Клелий впервые женился внутри 7-й степени родства (Franciosi G. Preesistenza della «gens» e «nomen gentilicium» // Ricerche sulla organizzazione gentilizia romana / A cura di G. Franciosi. Vol. 1. Napoli, 1984. P. 3–33).

в отправлении магистратур и жреческих полномочий. В общем, он приходит к выводу, что античные источники не позволяют создать цельную картину этого института.

Во II главе (с. 65–113) рассматриваются представления о *gens* в современной науке. Автор стремится показать, что наиболее влиятельные интерпретации этого понятия имели основой не римский институт, а теоретические установки их авторов⁹. Обсуждение природы *gens* направлялось, с одной стороны, включением его в правовые системы, развивающиеся на основе римского права, а с другой – использованием его в качестве образца для объяснения «гентильных» обществ. Римский *gens* всегда интересовал ученых не сам по себе, а как средство объяснить ключевые понятия современной им науки, преимущественно права, политологии и социальной антропологии.

Интерес к *gens* возник в XVI в. в связи со стремлением аристократии обосновать свое отличие от других сословий. Представление о знатности по крови стало тогда всеобщим, и для его обозначения был использован латинский термин *gentilitas*: Гийом Бюде (1508) связал *gentilitas* с французским *gentils hommes*. Уже тогда были поставлены основные вопросы, обсуждаемые в науке и ныне – Карло Сигонио (1523–1584) доказывал, что *gens* существовал у патрициев и у плебеев, но патриции обладали правом на магистратуры как первоначальные граждане. Жан Боден (1586) полагал, что только патриции претендовали на *gentes*, так как плебеи были низкого, рабского происхождения. Эта идея близка взглядам Дж. Вико, который считал раннее общество аристократическим, относил к гражданам только патрициев, образовывавших *gentes*, а плебеев считал зависимыми от патрициев и работавшими на них клиентами. Борьбу плебеев с патрициями Вико рассматривал как универсальную ступень прогресса на пути к демократической конституции. Первой победой плебеев была отмена запрета на браки между ними и патрициями, а республика свободных граждан начинается с отменой пехум, а не с изгнанием царей, которое было победой знати.

Высоко ценивший взгляды Вико Б.Г. Нибур считал *gentes* искусственным образованием, созданным одновременно с учреждением первой конституции Рима. *Gentes* были патрицианским институтом, а плебеи входили в них на подчиненном положении. Патрициат носил замкнутый характер, и вновь прибывающее в Рим население пополняло число плебеев. Сервий Туллий создал для плебеев новые трибы, из которых патриции были исключены до эпохи децемвиров. Разрешение браков с плебеями привело к ослаблению патрицианского порядка, и законы Лициния–Секстия, допустившие плебеев к власти, освободили общество от бессмысленной борьбы. К эпохе Поздней республики из 300 патрицианских *gentes* осталось около 50. В отличие от Нибура, Т. Моммзен отождествлял плебеев с клиентами, но пополнение их иммигрантами привело к появлению плебса вне *gentes*. Моммзен считал основой политического и военного могущества римлян наличие у них особой отцовской власти (*patria potestas*). В *gens* он видел разросшуюся семью и считал его конституирующим элементом государства и исходной основой развития римского права. Родственные группы плебеев (*stirpes*) также стремились получить статус *gentes*. Авторитет Моммзена способствовал утверждению представления о возникновении государства из ячейки родственных связей, какими были *familia* и *gens*.

Л.Г. Морган использовал термин *gens* для обозначения родственных групп североамериканских индейцев¹⁰. Он выделил 10 признаков их общества, которое он называл гентильным и считал типологически предшествующим греческому и римскому: право избрания и отставки вождей, запрет на заключение браков внутри *gens* (экзогамия), право наследования имущества умерших членов своего *gens*, обязанность взаимопомощи и защиты, право ношения общего имени, право принимать в свои ряды чужаков, общие религиозные ритуалы, место погребения, совет *gens*. В отличие от Моммзена и большинства специалистов по античности, Морган полагал, что первичным в историческом развитии был *gens*, а не семья. Он рассматривал *gens* в качестве первой естественной ассоциации людей, пришедшей на смену материнскому роду. Революция Клизфена в его глазах была заменой гентильной демократии политическим обществом.

Смит подчеркивает, что хотя Морган и рассматривал эволюцию от ирокезского *gens* к греко-римскому, на самом деле первичным в его глазах был последний, и именно его характерные черты он искал и находил в ирокезском обществе. Со времен Моргана в методологии стал преобладать подбор сходных черт в ущерб вниманию к различиям. Смит оценивает «Древнее об-

⁹ Сходную мысль высказывал Ричард Сэллер (*Saller R.P. Roman Kinship. Structure and Sentiment // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space / Ed. by B.Rawson, P. Weaver. Oxf., 1997. P. 7–34, особ. 10–18*).

¹⁰ Взгляды Л.Г. Моргана Смит анализирует на основе книги: *Trautmann T.R. Lewis Henry Morgan and the Invention of Kinship. Berkeley, 1987*.

щество» как блестящую, но совершенно не историчную работу: Морган придал понятию *gens* не свойственный ему универсализм, рассматривая его в качестве развитой, юридически оформленной, агнатической, экзогамной наследственной группы, унаследовавшей лучшие черты эгалитарного прошлого, но еще не затронутой будущим разложением. Популярность этой концепции Смит объясняет использованием работы Моргана Энгельсом в интересах марксистской критики современной цивилизации. Распространившееся после Моргана понятие «гентильное общество», как подчеркивает Смит, сплошь и рядом употребляется не по назначению, а эгалитарный «*gens*» Моргана и Энгельса не имел ничего общего с историческим *gens* в Риме.

Н.Д. Фюстель де Куланж считал исходной формой развития не первобытный коммунизм, а семью. Он видел в римском *gens* большую семью, основанную на кровных связях, но не доказал этого. Разрастание семей, окруженных клиентами, привело к объединению во фратрии, трибы и образованию государства, где роль членов *gentes* и их клиентов менялась. Последние, превратившись в плебеев, оказались лишены собственной религии и прав, политических и юридических. Их создание происходило в форме имитации патрицианских обычаев, в результате чего аристократические ценности и *gentes* пришли в упадок, политика и индивидуализм заменили религию в общественной жизни. В отличие от других авторов, Фюстель де Куланж осознавал, что наши знания о *gens* относятся ко времени изменения его первоначальной формы.

Г.С. Мэн в «Древнем праве», направленном против теории естественного права Ж.-Ж. Руссо, рассматривал в качестве основы римского общества патриархальную семью. В семье он видел корпорацию, которая никогда не умирает. Как юридическая личность была фикцией продления семьи в праве, так и *gens* был ее фиктивным расширением, присущим только патрициям. Плебс не был организован в *gentes* и не участвовал в куриатных комициях, одной из важнейших функций которых было утверждение завещаний. Подобно другим современникам, Мэн был эволюционистом. Но если Морган видел эволюцию в движении от идеализированного варварства к цивилизации, Фюстель де Куланж – в усвоении плебейми аристократических ценностей, то для Мэна эволюция от статуса к договору – это рождение двух важных институтов, контракта и волеизъявления, без которых общество не может существовать. По мнению Смита, Мэн, в отличие от других авторов, опирался на историческое, а не воображаемое представление о *gens*, и, ошибаясь в деталях, был прав, видя в *gens* инструмент и комплексный ответ общества на меняющиеся обстоятельства.

В начале XX в. позиции Нибура и Моммзена были подвергнуты критике Г.В. Ботсвортом, который считал, что римское гражданство не было ограничено патрициями, группировавшимися в 300 *gentes*. Удачно используя заимствованные у Мэна параллели с кельтами и индийцами, Ботсворт рассматривал *gens* как позднее образование, появившееся в начале Республики одновременно у патрициев и плебеев. Выводы Ботсворта близки идеям Г. Де Санктиса, но последний пошел дальше, создав концепцию «замыкания патрициата», не желавшего делиться гентильной исключительностью с плебейми. Де Санктис видел в *gens* искусственно созданную форму существования аристократии, которую со временем утратила часть патрициев и обрела часть богатых плебеев. *Gens* отличался от семьи размерами, а его рассеянный характер показывает, что он не был исходной ячейкой общности. Скорее это была аристократическая корпорация. В. Аранджо-Руис считал *gens* социальной формой этрусского пасторализма, в которой латинам отводилась роль клиентов. Он также видел в *gens* не предшественника, а продукт государства. Напротив, П. Бонфанте и П. Де Франчиши относили его к исходной фазе догосударственного существования. Бонфанте отождествлял *gens* с агнатической семьей, организованной как политическое сообщество: *pater familias* – суверен, *res mancipi* – его собственность, его наследник – политический преемник.

Фактически сложились два направления. К первому принадлежат сторонники естественного развития *gens* с доисторических времен – Вико, Морган, Маркс, Энгельс, Фюстель де Куланж, Бонфанте и Де Франчиши. Ко второму сторонники искусственного характера *gens*, созданного государством, – Нибур, Моммзен, Мэн, Мейер, Де Санктис, Ботсворт, Аранджо-Руис. Популярность марксизма, особенно в Италии, способствовала преобладанию позиции Бонфанте, развиваемой ныне Дж. Франчози и его учениками. В изучении родства они привлекают методы социальной антропологии и сравнительного религиоведения. Этот подход поддерживается историками римского права. Попытка Дж. Луццато представить аргументы против существования *gens* до возникновения государства не была принята.

Большое значение для изучения *gentes* сыграла просопографическая работа Ф. Мюнцера. На ее основе Г. Скаллард показал, что группа *gentes* определяла политическую жизнь Римской республики III–II вв. до н.э., не будучи уполномочена на это конституцией. В «Кембриджской истории древнего мира» (1989 г.) Ф. Миллар обратил внимание на различие дискурсов, в которые

был включен *gens* эпохи Республики. С одной стороны, нет ясных данных, что *gens* был элементом общественной организации с фиксированным членством, определенными функциями и общими интересами после IV в. до н.э., но с другой, наличие *gentes* продолжало влиять на римскую политику. Смит отмечает, что, хотя изучение *gens* сыграло важную роль в развитии многих дисциплин социальной антропологии, пока мы еще далеки от понимания его сущности.

В III главе (с. 114–143) Смит рассматривает современное состояние изучения греческого *genos*, в котором после Нибура и Моргана многие видят аналогию римскому *gens*. Согласно традиционному взгляду, греческий *genos* существовал с гомеровских времен. Представляя собой древние линиджи, в которых доминировала аристократия, кланы контролировали религиозные культы, а через них – управление и занятое в сельском хозяйстве население. В VII–VI вв. до н.э. стратификация на аристократию и незнатных стала уступать место делению на богатых и бедных.

Исследования Д. Русселя и Ф. Буррио показали, что возникновение полиса вовсе не привело к исчезновению *genos*¹¹. Вследствие демократических преобразований он изменил свою природу и превратился в организацию аристократии. После Клизфена *genos* становится искусственным организмом, инкорпорированным в полисное общество, который может функционировать только в полисе. Связь *genos* с фратрией, если она и существовала прежде, утрачивается. Смит подчеркивает, что многие *gene* возникли уже в новых условиях и, следовательно, никогда не были общинной структурой. Фактически *genos* архаической эпохи и *genos* полисного периода – это два разных института с одинаковым названием. Можно предполагать, что они строились на идентичной основе или были одним и тем же линиджем, существовавшим в разные эпохи. Буррио и Руссель исходят из представления о догосударственных истоках этого института, возникшего в гентильном обществе. По их мнению, в архаическую эпоху *genos* имел общинную организацию, в которую входила не только аристократия.

Напротив, Смит акцентирует внимание на *genos* классической эпохи, оспаривая как традиционные представления, что *gene* были подразделениями фратрии, а филы состояли из множества *gene*, так и в особенности коммунальную модель, представлявшую *genos* в качестве общины. Он обращает внимание на то, что смена общественной парадигмы в 1960-х годах привела к изменению представлений о родстве. На место связи родства и биологии, реальности кровного родства членов клана пришло понятие родства как социальной фикции. Антропология стала интересоваться более институтом брака, чем происхождением. В работе С. Паттерсон *genos* рассматривается как фиктивная корпорация, не сводимая к патрилинейному линиджу: он не основан на реальном родстве и ему не предшествует общий ойкос его членов¹². Смит рассматривает известный пассаж из «Афинской политики» о филах, тритиях и *gene* как философское построение, в котором нет ничего от реальной истории. С его точки зрения, *genos* – это привилегированная группа, эффективно контролировавшая фратрии благодаря своему доминированию в сфере религии и культа. Отмечая, что такие объединения нельзя считать институтом прямого господства аристократии, Смит стремится показать, что вопреки общепринятому мнению не все *gene* участвовали в руководстве делами фратрий и общественными культами, так же как трудно доказать, что все члены *gene* были эвпатридами.

Сравнивая свою модель греческого *genos* с римским *gens*, Смит выделяет общие черты: 1) фиктивная связь с мифическим предком; 2) связь с религией, которая у некоторых групп очень сильна, но, возможно, не универсальна; 3) привилегированность членов, основанная на высоком статусе и религиозных прерогативах. Однако имеются и серьезные отличия, не позволяющие прямо отождествить греческий и римский институты. В римском наследственном праве фигурировали *gentiles*, тогда как для греческого общества таких данных нет. Все члены римского *gens* носили одно имя (*nomén*), чего не наблюдается, например, в Аттике. Не ясны и отношения гентильных объединений с курией и фратрией. При этом Смит выступает против числовых сопоставлений между *gens/genos* и курией/фратрией, а также отмечает динамику обоих институтов как частей общественной системы.

В IV главе (с. 144–163) представлены археологические данные, которые трактуются как свидетельство существования *gens* и гентильного общества. Смит рассматривает материалы погребений из Центральной Италии, Лация и Этрурии. Он отмечает, что многие из идентификаций

¹¹ Roussel D. Tribu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. P., 1976; Bourriot F. Recherches sur la nature du génos. Étude d'histoire sociale athénienne – périodes archaïque et classique. Lille, 1976.

¹² Благожелательно оценивая работу: Patterson C. The Family in Greek History. Cambr. (Mass.), 1998, Смит критически рассматривает книгу: Lambert S.D. The Phratries of Athens. Ann Arbor (Mich.), 1993, автор которой обосновывает тождество общины (*kome*) и *genos*.

так называемых гентильных погребений поздней бронзы и раннего железа испытали влияние антропологической модели, рассматривающей *gens* в качестве «эгалитарной фамильной структуры». В Этрурии социальная дифференциация заметна уже около 900 г. до н.э., хотя Лаций в силу отсутствия там минеральных ресурсов развивался более традиционно на основе сельского хозяйства. В качестве примера приводятся раскопки в Остерия дель Оса (ок. 20 км от Рима), где контроль за ресурсами сложно организованной территории мог сформировать какую-то структуру уже в рамках эгалитарного общества. В период 770–650 годов до н.э. здесь появляются богатые погребения и небольшое число погребений без вещей, которые часто трактуют как принадлежавшие клиентам. Последовательно рассматривая материал из района Габий, Лаго ди Кастальоне, Сатрика и Вилла Аудиторио в Риме, Смит приходит к заключению, что археологические реконструкции гентильного или эгалитарного общества сомнительны. По его мнению, концепция, связывающая *gens* с эгалитаризмом, не имеет отношения к реальности и мешает правильной интерпретации археологического материала. Этрурия с массой данных об этруских семьях (Спуринна, Тархна), героях типа Вибенны и Мастарны и лукумонах вроде Тарквиниев более похожа на общество кланового типа. Там существовала элита, называвшаяся в латинской литературе *principes*, которой атрибутируют множество богатых погребений. Там же существовали зависимые группы, например лаутни, сближаемые с римскими клиентами.

Показателем возникновения гентильных структур могут служить данные ономастики. В Этрурии система двух имен (*nomen gentilicium*) появляется около 700 г. до н.э. и вскоре распространяется и в Лации. К этому же периоду относятся погребения в камерных гробницах. Их группы, существовавшие в течение длительного времени, могут рассматриваться как погребения родственников по крови, браку, свойству. Однако выводы такого рода очень относительны. Конкретный археологический материал ставит перед исследователем много частных проблем. Например, погребения, трактуемые как принадлежащие элитным группам кровных родственников, существовали до VI в. и с IV в. до н.э. Как объяснить этот своего рода кризисный период, в ходе которого Рим стал существенно отличаться от этруского общества, где продолжал сохраняться царская власть и преобладание аристократии?

В целом, первая часть книги показывает неоднозначность имеющихся в распоряжении исследователей материалов. Сложность их оценки Смит рассматривает как результат обсуждения проблемы *gens* в античности, когда его реальное значение было заменено более поздней интерпретацией. Предпринятая Смитом реконструкция историографии о *gens* имеет целью привлечь внимание к конкретным данным об этом институте, особенно на фоне распространенного в настоящее время междисциплинарного подхода, затронувшего и классические дисциплины. По мнению Смита, только исторически обоснованный подход к междисциплинарным аналогиям может помочь избежать вводящих в заблуждение предположений.

Вторая часть книги открывается V главой (с. 168–183), в которой автор представляет две ключевые проблемы архаической римской общины – природу клиентелы и определение плебса. Он исходит из представления, что курии объединяли всех граждан-мужчин, а не только патрициев, как считали Нибур и Моммзен. Критерий отличия патрициев от плебеев неясен. Известно лишь, что патрициат не принимал новых членов с конца VI в. до н.э. Плебеями были те, кто не мог стать патрицием и кто находился к ним в политической оппозиции. Следовательно, клиентами были плебеи, которые не выступали против патрициев, а напротив, поддерживали их. Это логическая конструкция, в адекватности которой исторической реальности Смит и сам не до конца уверен.

Приблизиться к архаической реальности он пытается, анализируя числовые соотношения между количеством *gentes*, размером *gens*, числом клиентов и общей численностью населения Рима. Последнее в современной литературе оценивается между 20 и 50 тысячами для VI века до н.э. Численность римской армии П. Фраккаро определял в 6000, а К. Раафлауб в 2700–4000 гоплитов. Число взрослых патрициев Раафлауб определяет в 400–600, так что общее число патрицианских *gentes* было 50–100, а в каждом *gens* насчитывалось не более дюжины взрослых мужчин. Принимает Смит и расчет Э. Друммонда, согласно которому на одного патрона приходилось по 20–30 клиентов. Сведения о 4000 клиентов у Фабиев и 5000 у Атта Клавза, таким образом, выходят за пределы реальности. Если принять максимальные цифры – по 30 клиентов, то у 400 патрициев могло находиться в клиентеле не более 12 тысяч плебеев. При этом не все патриции могли быть патронами, число клиентов у одного патрона могло быть меньше 30, и один клиент мог иметь нескольких патронов. Так что общее число клиентов могло быть гораздо меньшим.

Словословную борьбу в Ранней республике Смит рассматривает, следуя Корнеллу. Во второй половине V в. до н.э. происходит вытеснение не-патрицианских элементов из управления, и это

явилось причиной сословной борьбы, которая разворачивается в IV в. до н.э. Постепенные уступки патрициев плебеям были следствием необходимости поддержать единство римской общины. Смит рассматривает плебс в качестве политического движения, которое не обязательно включало в себя все не-патрицианские элементы в Риме. Напротив, он видит не-патрицианское общество состоящим из целого спектра позиций по отношению к патрицианской аристократии – от энергичных сторонников до неистовых противников. Он подчеркивает, что клиентела не всегда выражалась в полурабском или нищенском состоянии. Клиентов связывали с патронами разные интересы, обусловленные статусом конкретных лиц.

В VI главе «Римские курии» (с. 184–234) рассматривается политическое устройство ранней Республики, причем главное внимание уделяется куриям и их связи с *gens*. Смит стремится показать, что многие характеристики курий являются лишь современными предположениями и требуют пересмотра. Так, часто полагают, что курии были политической формой организации *gentes*, хотя для этого нет никаких оснований. Выступает он и против распространенного мнения, что возникновение центуриатных и трибутных комиций привело к упадку куриатных комиций. Как и *gentes*, курии в период Ранней республики еще не превратились в отживший институт. Следует осторожно относиться к такому важному источнику, как, например, рассказ Дионисия (2. 7) о куриях, который балансирует между римской реальностью и концепцией, заимствованной из описания реформы Клизфена в Афинах. Деление на патрициев и плебеев, в представлении Дионисия, имитирует деление на эвпатридов и агроиков.

Военный аспект куриатной организации Смит прослеживает через связь курий с Квирином (совпадение Квириналий с праздником дураков на Форнакалии), а Квирина, как и Юноны Кури-ты, – с копьем (*curis*). Формула *populus Romanus Quirites* отражает два этапа в формировании гражданской организации: сначала квири-ты – члены курий выполняли военные функции, а затем на смену этой системе пришла центуриатная организация (*populus* – пехота), и термин *Quirites* приобрел политическое и общественное значение. Объяснение римского дуализма объединением Ромуловых римлян с сабинами не могло возникнуть раньше завоеваний Манья Курия Дентата в начале III в. до н.э.

Смит считает, что в качестве изначального вида народных собраний квири-тов куриатные комиции представляли всех граждан, а не одних патрициев, как считали Нибур и Моммзен, и не были инструментом господства патрициата. В VI в. до н.э. они были дополнены трибутными¹³ и центуриатными комициями. Сфера компетенции, сохранявшаяся за куриями (завещания, усыновления, *lex curiata de imperio*), тесно соприкасалась с теми областями, в которых особенно часто проявляет себя *gens*. В куриях голосовали *genera hominum*, т.е. родственные группы, из которых *gentes* представляли только один тип. Если *gentes* были патрицианской организацией, то остальное население должно было иметь свои собственные родственные группы внутри курий.

В VII главе (с. 235–250) – первой из трех глав, посвященных патрициату и его привилегиям, – исследуется отношение *gentes* к собственности на землю. После образования Сервием Туллем четырех городских и некоторого количества сельских триб начинается двухвековой конфликт патрициата и плебса. Некоторые трибы (10 – точно и еще 4 – не столь определенно) носили имена патрицианских *gentes*. Возникновение сельских триб, вероятно, отражало процесс завоевания территории. Поэтому совпадение названий триб и *gentes* часто трактуется как установление контроля определенного *gens* за землей трибы. Однако такое объяснение вызывает вопрос, почему среди названий триб не были представлены такие выдающиеся *gentes* ранней Республики, как Валерии, Юлии, Постумии, Ларции, Пинарии, Квинктилии и др.

Центральное место земельной собственности в конфликтах между патрициями и плебеями Смит рассматривает на примере аргументов Л. Капогресси-Колоньези¹⁴. Отмечая высокое качество его работы в целом, Смит последовательно отвергает его основные положения. Подобно многим, Капогресси считает *gens* коллективом. Завоеванная земля в трибах, становившаяся *ager publicus*, захватывалась патрицианскими *gentes*, которые для ее эксплуатации использовали своих клиентов и привлекали местное население, закабаляемое с помощью *pecunia*. Капогресси следует распространенной идее постепенного превращения общинной собственности на землю в частную, которая, по его мнению, стала доминировать после законов Лициния-Секстия 367 г. до н.э. Гентильная собственность в этом процессе играла роль переходной ступени от первобытной коллективной к полной частной собственности. Смит отмечает, что эта логика должна

¹³ Смит (с. 227) следует принятому в настоящее время положению, что существовал только один тип трибутных комиций, а различие между *comitia tributa* и *concilia plebis* лишь терминологическое: «*comitia*» обозначает структуру и цель собраний, «а *concilia*» указывает на состав участников.

¹⁴ *Capogrossi Colognesi L. Proprietà e signoria in Roma antica*. Roma, 1986.

была бы привести к падению экономического значения *gentes* в IV в. до н.э., и, как следствие, сокращению политической роли патрициев. Но этого не наблюдается, более того, с 338 г. до н.э. патриции нашли способ ослабить плебс, отправляя его нуждающиеся элементы из Рима в отдаленные колонии.

Поэтому Смит считает неприемлемым представление о том, что патрицианские *gentes* имели большие земельные владения на территории тех или иных триб и их господство сообщало трибе их имя. Он не поддерживает концепцию гентильной собственности (*ager gentilicis*), а аргументация Д. Дионси, исходящая из понятия «нераздельной собственности» (*ercto non cito*), не кажется ему относящейся к коллективной собственности. Смит указывает на отсутствие оснований считать эту «корпоративную» собственность именно гентильной. Он допускает, что некоторые трибы могли быть местом происхождения некоторых экспансионистских *gentes*, подобно Клавдиям. Но большинство состояло из различных комбинаций частновладельческой земли и *ager publicus*, который мог быть оккупирован и эксплуатировался так, чтобы не допускать к нему других членов общества. В общем нет доказательств, что *gens* имела только у патрициев; к тому же они могли создать этот институт уже в ходе борьбы с плебеями.

В VIII главе (с. 251–280) Смит показывает сложность определения сущности патрициата. Понятие *patricii* выглядит формой прилагательного от существительного *patres*, и источники часто заменяют эти термины друг другом. Происхождение *patres* Смит связывает с созданными Ромулом *patres senatores*. Проблема, однако, в том, что патрициев было больше, чем сенаторов. Численность раннего сената неясна, в источниках она колеблется от 100 до 300. Корнелл вообще рассматривает ранний сенат в качестве совещательного органа при царе, а затем при консулах. Число его членов не было фиксированным, и это означает, что фактически сената не существовало до тех пор, пока закон Овиния не обязал цензоров составлять списки сенаторов на регулярной основе.

В составе патрициата неясно соотношение между *gentes maiores* и *gentes minores*. Де Санктис считал *gentes minores* не-патрициями, а Р. Палмер и П. Рануй полагают, что они вошли в состав римской общины позднее (как *gentes Альбы Лонги*). На эту проблему накладывается проблема *conscripti*, включенных в сенат позднее. Если потомков *patres* рассматривать как *patricii*, то кем были потомки *conscripti*?

Особое положение патрициев определялось их монополией на жреческие должности, ауспиции (ср. Liv. 6. 41. 4–12) и правом одобрять законы и результаты выборов в народных собраниях (*auctoritas patrum*). Первоначально ауспиции принадлежали царям, не все из которых были патрициями по происхождению. В руках патрициев ауспиции оказались через интеррегнум. Фактически Смит склоняется к признанию патрициев узурпаторами своего высокого статуса и привилегий, для охраны которых они использовали запрет на браки с плебеями. Хотя запрет был отменен в 445 г., лишь в 362 г. до н.э. плебейский консул Л. Генуций впервые отправился на войну *suis auspiciis*, а его поражение вызвало злорадство патрициев, усмотревших в нем кару богов за нарушение патрицианской монополии (Liv. 7. 6. 10–11). Но наличие плебейских имен в консульских фазах первых 50 лет Республики может указывать на то, что ауспициями обладали и плебеи. Тогда этого права их лишило «замыкание патрициата». Консулярный трибунал, сущность которого продолжает оставаться неясной, хотя и трактуется как предложенная плебеям компромиссная магистратура, не мог их удовлетворить из-за отсутствия религиозных полномочий (ауспиции, триумф). Только в 366 (342)–339 годах до н.э. плебеи получили доступ к консулату, претуре, курульному эдилитету и цензуре. Тогда же стала формальностью и *patrum auctoritas*, но как она действовала раньше, не ясно.

Конфликт патрициев и плебеев отражал процессы, происходившие в римском обществе в начале республиканской эпохи: развитие частной собственности, рост самосознания плебса и повышение его роли в армии. Смит склоняется к позиции Корнелла, который видит в плебеях, как городских, так и сельских жителей, заинтересованных в защите и покровительстве власть имущих в обмен на службу в армии в качестве легковооруженных воинов. Вслед за Корнеллом Смит стремится обнаружить промежуточные слои между конфликтовавшими патрициями и плебеями. Этот подход направлен как против позиции старой науки, видевшей в патрициях первоначальных граждан, а в плебеях – иммигрантов, так и против другой, авторитетной в современной науке концепции, развиваемой К. Раафлаубом, по мнению которого, раннее римское общество состояло только из патрициев и плебеев, а последние были земледельцами-гоплитами, составлявшими большинство римской армии. Патрициат же был аристократией, державшей в своих руках магистратуры. Смит же считает, что характер борьбы патрициев и плебеев и особенно ее продолжительность не позволяют принять положение, что плебеи были в армии большинством. К тому же основные вопросы решались римлянами на комициях, т.е. большин-

ством голосов. Смит не принимает положения Корнелла о пассивности ранних народных собраний, указывая на сложность процедуры принятия ими решений и на наличие 35 плебисцитов, принятых между 449 и 287 годами до н.э., что говорит об участии плебса.

Не без влияния греческой историографии плебейские институты выглядят отражением патрицианских: триада богов Церера, Либера и Либера напоминает Капитолийскую триаду (Юпитер, Юнона и Минерва), а плебейские эдилы выглядят помощниками трибунов, как патрицианские квесторы – консулов. Плебейские игры подобны Римским играм. Не отрицая ни деления на патрициев и плебеев, ни сословной борьбы, Смит акцентирует внимание на том, что этот дуализм развивался в рамках единой общины с использованием конституционных средств (народного собрания). В качестве примера он ссылается на выбор плебейских трибунов 449 г. под руководством великого понтифика и назначение консульских выборов в том же году с помощью плебисцита. С его точки зрения, это было отражением сложности римского общества, не сводимой к простой дихотомии патрициев и плебеев. Конфликт сословий не имел целью ликвидировать патрициат, а был направлен против патрицианской монополии в религии и политике. После ее устранения патрициат утратил прежнее место во главе римской общины, но отдельные патрицианские дома сохранили свою мощь.

Смит характеризует историю патрициата как постепенную утрату власти аристократией, которая сформировалась вокруг царей и боролась, чтобы удержать свое положение в новых условиях республики. Он полагает, что именно в этом контексте следует рассматривать встречающиеся в источниках упоминания о патрицианских претензиях на привилегированное положение, которые были скорее частью аргументации в пользу непреходящей важности патрициата в римской общине, чем доказательством реальности этого факта.

В короткой IX главе (с. 281–298) рассматривается римская армия в ее связи с *gentes* и отношениями патрон–клиент. Проблема армии тесно связана с превращением Рима в крупнейшую общину Италии в VI в. до н.э. Смит отмечает, что реконструкция Фраккаро продолжает оставаться базовой моделью римского легиона ранней эпохи. Ее дополняет работа Самнера, предполагающая связь числа консульных трибунов с численностью ранней армии. Оба автора видят первоначальный легион состоявшим из 3000 гоплитов (по 100 воинов от курии), но если Фраккаро считал, что реформа Сервия удвоила его до 6000 (разделенных затем между двумя консулами), то Самнер полагает, что рост легиона происходил постепенно – до 4000 в 431 г. и до 6000 только к концу V в. до н.э. Сторонники усвоения римлянами греческой гоплитской тактики ссылаются на немалое число археологических находок вооружения в Средней Италии. Смит доказывает, что, во-первых, находки гоплитского вооружения не столь распространены, как кажется, а во-вторых, оружие в погребениях более похоже на ритуально-парадное, чем на реально-полевое. Кроме того, обнаружено множество колесниц и их терракотовых моделей, что демонстрирует способ ведения войны наподобие гомеровских героев. Так что, по мнению Смита, археологические свидетельства проблематичны.

Специалисты по соседней с Римом Этрурии, общество которой продолжало оставаться аристократическим, склонны считать такие находки следствием использования гоплитского вооружения «гентильными формированиями»¹⁵. При рассмотрении сквозь призму традиции о тимократической реформе Сервия Туллия армия Рима предстает совсем иной. Смит полагает, что различие между Этрурией и ранним Римом не было столь разительным, как предполагают Б. Д'Агостино и другие исследователи. Он чуть смещает акцент в идее, отстаиваемой А. Момильяно и Т. Корнеллом: если бы римская армия, большую часть которой составляли плебеи, была гоплитской, то патриции не смогли бы столь долго удерживать за собой руководство в обществе. Следовательно, римскую армию скорее представляли формирования патрициев, сопровождаемые собственными клиентами. В этом контексте большую роль приобретают патрицианские *gentes*. В качестве примера Смит рассматривает знаменитый эпизод с гибелью *gens Fabia*, в одиночку отправившегося на войну с Вейями в 477 г. до н.э. Ж.-К. Ришар видел в этом эпизоде последнее проявление догражданского способа ведения войн, который был реанимирован патрициями после изгнания царей как отход от центуриатных порядков, установленных Сервием Туллеем. Смит склоняется к тому, что патрицианские *gentes* с их *sodales* и клиентами были еще распространенным феноменом в V в. до н.э. Такие «гентильные армии» дей-

¹⁵ Смит (с. 288) приводит рассказ Дионисия (9. 5. 4) о войне римлян с Вейями около 460 г., куда «наиболее могущественные мужи Этрурии привели с собой своих “пенестов” (клиентов)».

ствовали как часть государственной системы, включавшей и набиравшийся на регулярной основе легион, и вооруженные силы отдельных аристократических домов.

В X главе (с. 299–335) предлагается авторский анализ понятия *gens*. Общее представление о патрициате считает его древней аристократией, которая с начала V в. до н.э. стала подвергаться нападкам плебеев и в течение двух столетий отставала свои привилегии, постепенно уступая их одну за другой. В источниках о царском периоде отсутствуют сведения как о патрициате в целом, так и об отдельных патрицианских *gentes*. Тем не менее большинство авторов рассматривают *gens* как раннее социальное образование, дополняемое *familia*. Реконструируя становление римского государства, Б. Линке отнес расцвет *gentes* к очень ранней эпохе, XI–X вв. до н.э. С точки зрения Смита, патрициат с его *gentes* возник в период экспансии VI в. до н.э., превратившей Рим в крупнейшую общину Италии. Он понимает *gens* в духе Мэна – как корпорацию семей. Поэтому в системе наследования по Законам XII таблиц он видит не архаические, а корпоративные черты. Наследование *gentiles* позволяло перераспределять ресурсы семей, направляя их в более широкую сферу общества. Это, по мнению Смита, может объяснить, почему исчезновение в Лации очень богатых погребений (ср. XII Tab. 11) и изображений пиров совпадает с ростом храмового строительства и улучшением архитектуры частных домов.

Gentes возникли как объединения семей для обеспечения контроля над земельной собственностью и защиты достигнутого его представителями положения от различного рода претензий извне. С этой целью вводилось регулирование браков, опека, правила наследования, зафиксированные Законами XII таблиц. *Gens* был важной чертой общества прежде всего в силу больших, чем у фамилии, размеров и стабильности. Слова Ливия, что только патриции имели *gentes*, следует понимать в том смысле, что все патриции были членами какого-либо *gens*. Покровительство глав патрицианских семей менее удачливым согражданам создавало вокруг них клиентелу. Хотя организационные принципы патрициата и напоминают догосударственные институты Центральной Италии, в них нет ничего примитивного, и они успешно справились с задачей регулирования общественной жизни. Объединенные в *gentes* патриции представляли римскую общину перед богами и успешно обыгрывали плебеев в выборах на должности.

Плебеи Ранней республики – это, видимо, те, кто не сумел скооперироваться с другими семьями в свой *gens*. В определенном смысле альтернативой патрицианским *gentes* был сам плебс, политическое объединение которого превращало его в эквивалент *gens*. После реформ 360-х годов, возможно, связанных с новой центуриатной системой, заметно повышение роли отдельных плебейских лидеров. Их сторонники образуют группировки, берущие за образец патрицианские *gentes*. Как основная социальная единица, с помощью которой были организованы патриции, *gens* играл ключевую роль в сохранении патрициата даже перед лицом упадка его власти и привилегий. Смит рассматривает *gens* как распределительный фактор, обеспечивавший циркуляцию магистратур и жреческих должностей среди аристократии. Принадлежность к *gentes* стала целью, знаком привилегированности и знатности. Включение части плебеев в состав римской элиты поставило вопрос об отличии плебейских *gentes* от патрицианских. Эти дебаты о происхождении привилегий патрициев продолжались до самого начала римской историографии, и первые римские историки могли позаимствовать из них аргументы для объяснения отличия патрициев от плебеев. Иначе говоря, античное объяснение происхождения патрициата и его *gentes* было продуктом дискуссий IV–III вв. до н.э. Наследием этих обсуждений была и римская историческая традиция, рисующая дуальную картину римского общества, где все вращается вокруг бинарной оппозиции патрициев и плебеев.

Книга заканчивается короткой XI главой (с. 336–346) о релевантности образа римской истории в современном мире. Фактически она служит авторским резюме проделанной работы. В то же время в ней высказываются некоторые идеи общего характера. Так, Смит рассматривает положение О. Меррея о принципиальном отличии Рима от греческого полисного общества. Тот считал полис рациональной формой политической структуры, с которой несовместим римский принцип *mos maiorum*, так что Рим более походил на обычное раннее государство. Смит считает ошибочным представление о Риме как консервативном, иррациональном и даже примитивном. Характер восприятия *gens* имеет непосредственное отношение к формированию такого представления. Часто оно исходит из идеи, что *gentes* образовывали блоки прочно связанных семей, бывших оплотом сопротивления всякому изменению под знаком *mos maiorum*. Смит ссылается на работу Ф. Мюнцера о римской аристократии, которая сосредоточена на знатных семьях и их взаимоотношениях в эпоху Средней республики и мало касается *gens* как института, который дает о себе знать и в политике. Этот новый и более сложный взгляд на *gens* согласуется с новыми исследованиями по истории Римской республики. Например, изучение политики в последнее

время сместилось в сторону *comitium* и большего акцента на политическом дискурсе, в который вовлекался весь гражданский коллектив¹⁶. Свою работу Смит рассматривает в контексте нового направления. В качестве составной части республиканского общества *gens* оказывается важен для поддержания экономической стабильности отдельных патрицианских семей, это был их своего рода резерв, позволяющий не выпасть из политики в случае трудностей. В то же время Смит подчеркивает, что ведущая роль знатных *gentes* в римской политике достигалась с помощью политических средств, так что система их отношений между собой и с обществом чрезвычайно сложна и не описывается организационными принципами.

Два «Приложения» сопровождают VI главу о римских куриях. В одном (с. 347–355) дается детальный анализ пассажа Дионисия Галикарнасского о куриях и религии (2. 21. 2–23. 5). Смит пытается разделить материал, заимствованный Дионисием у анналистов, и эллинистическое влияние. Он предполагает, что Дионисий представлял курии как институт, еще живой в его собственное время. Это наводит на мысль, что мы, возможно, не знаем о каких-то мерах Августа по восстановлению значения курий. Другое приложение (с. 356–362) посвящено попыткам идентифицировать утраченные названия курий. В частности, ассоциацией со жреческими должностями Смит пытается дополнить аргументы Р. Палмера. Рассматривая трактовку А. Карандини, он отвергает его ассоциацию курий с Аргеями¹⁷. Вместо этого Смит предполагает, чтоистики просто акцентировали внимание на важном религиозном аспекте курий и показывают сохранение ими значения после VI в. до н.э.

Книга Кр. Смита написана автором, который свободно оперирует как нарративным, так и археологическим материалом, как римским, так и греческим. Важнейшей методологической чертой его работы является историзм профессионала высокого уровня. В ходе изложения он предлагает немало проницательных трактовок различных проблем. Декларация им приоритета античных источников над предвзятыми концепциями привлекательна для специалистов и продолжает линию, которую отстаивал А. Момиляно в своей критике компаративистов (Ж. Дюмезиля, А. Альфельди). Своей работой Смит подтверждает важную мысль, что наши представления о раннем Риме и его институтах во многом определяются теоретическими концепциями XIX в., а не реальным античным материалом¹⁸. Свежий взгляд на *gens* не только позволяет лучше понять его в историческом контексте, но также рассматривать в качестве влиятельной культурной парадигмы современной антропологии. Рецензенты отмечают, что книга Смита стимулирует дискуссию не только вокруг римского *gens*, но и многих других проблем римской истории и культуры¹⁹.

Таким образом, книга полна достоинств, а недостатки, как обычно, являются лишь их продолжением. Позитивизм все внимание уделяет источникам (*evidence*), оставляя без внимания точку зрения на эти источники. Акцент на античных свидетельствах о *gens* оставляет за пределами рассмотрения концепцию, организующую эти свидетельства. Автор отмечает, что наши сведения о патрициате и его *gentes* являются продуктом политических дискуссий Средней и Поздней республики. На большее обсуждение проблем римской историографии в рамках данной книги просто нет места. Но в таком случае сами исходные свидетельства античных авторов остаются проблематичными (проблематичность археологических данных автор удачно показал сам). Связи между ними описываются на основе формальной логики современного человека. Автор стремится избегать предположений, основанных на ассоциациях с типологически близкими обществами. Формально подход верен: можно принять за основу ошибочную этнологическую модель. В результате Смит концентрирует внимание на материале, описывающем V–IV века в представлении общества III–II веков, обработанном анналистами II в. и сохранных историками I в. до н.э. Обзор концепций XIX в. выглядит подготовкой почвы для отказа от обсуждения догосударственной природы *gens*. Последнее позволяет автору избежать обсуждения исследований римского родства и эволюции родственных структур. Римский клан в его интерпретации – это форма приспособления элиты к формирующейся республиканской форме государства.

¹⁶ Например, см. *Millar F. The Crowd in Rome in the Late Republic*. Ann Arbor, 1998; *Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic*. Cambr., 2004. См. также выше прим. 3.

¹⁷ *Carandini A. La nascita di Roma: Dèi, Lari, eroi, uomini all'alba di una civiltà*. Torino, 1997.

¹⁸ Сходным образом Х. Моуритсен доказывает, что представление об объединении италийского союза под властью Рима возникло в науке XIX в. под влиянием процесса объединения Германии и обосновывавших его философских концепций. См. *Mouritsen H. Italian Unification. A Study in Ancient and Modern Historiography*. L., 1998.

¹⁹ См. *Lushkov A.H. // Bryn Mawr Classical Review*. 2006. 11. 06.

Историческое исследование опирается не только на наличие источников, но и на концепцию, с помощью которой эти источники рассматриваются. Без метода нет науки. Отвергнув концепции предшественников, Смит вынужден предложить свою. Ссылки на следование только античным свидетельствам выражают лишь субъективную убежденность автора в том, что его работа лучше предшествующих. Непредвзятому читателю заметно, что свидетельства подбираются под определенную концепцию, которая, возможно неосознанно, приглянулась автору у Г. Мэна. Идея клана как корпорации из группы семей отвлекла его от обсуждения важной проблемы – был ли ранний *gens* общинным коллективом. В рамках его концепции заведомо не был. Она же делает ненужным обсуждение проблемы «гентильного общества» до VI в. до н.э. Создается впечатление, что отрицание Смитом взгляда на развитие римского *gens* из родовых отношений догосударственной эпохи запрограммировано одной из концепций, с которыми он «боролся». Использование им работ Русселя и Бурио показывает, что мы имеем дело с тенденцией, выраженной в западной науке, – отрицанием идей, получивших развитие под влиянием марксизма, прежде всего, в советской (российской) и итальянской науке²⁰. В настоящее время невозможно решить однозначно, насколько оправдан методологический подход Смита, является ли *gens* конструкцией республиканской эпохи, возникшей в результате конкуренции старой и новой знати, или он имеет корни в архаических отношениях родства.

А.В. Концев

²⁰ См. *Franciosi G.* Clan gentilizio e strutture monogamiche. Contributo alla storia della famiglia romana. Napoli, 1978; *Ricerche sulla organizzazione gentilizia romana* / A cura di G. Franciosi. Vol. I–III, Napoli, 1984–1995.